

Е. А. Конявская

ИРИ РАН, Москва, СЗиУ РАНХиГС, СПб, Россия. [ekonuyavskaya@gmail.com](mailto:ekonuyavskaya@gmail.com)

**ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕВДОКИЯ ДМИТРИЕВНА  
(«СЛОВО О ЖИТИИ И О ПРЕСТАВЛЕНИИ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА»  
И ВТОРОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО)**

Статья посвящена анализу текстов «Слова о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича» и последнего завещания Дмитрия Донского, касающихся супруги Дмитрия Ивановича, Евдокии Дмитриевны. Рассмотрены владения княгини и полномочия, которые она получала по завещанию мужа.

*Ключевые слова:* Евдокия Дмитриевна, Дмитрий Донской, «Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича», второе завещание Дмитрия Донского

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

«Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича» читается в летописях Новгородско-Софийского круга под 1389 г. – годом смерти Дмитрия Донского. Произведение не имеет нелетописной рукописной традиции, это означает, что оно предназначалось для какого-то летописного свода. Самые ранние летописи, содержащие «Слово о житии»: Новгородская Карамзинская (вторая подборка, далее – НК2), Софийская первая старшего извода (далее С1) и Новгородская четвертая (далее – Н4) летописи. Наиболее полный текст имеется в НК2 и Н4, в С1 же опущен значительный фрагмент, включающий в том числе и письмо-обращение автора к заказчику [Прохоров]. Общий протограф этих летописей принято возводить к Новгородско-Софийскому своду (конец 20-х гг. XV в.) или к Своду Фотия (конец второго десятилетия того же века).

Внимание ученых привлекали стилистические достоинства произведения, споры велись об атрибуции и датировке «Слова». Даты его создания разнятся у исследователей: от нескольких ближайших лет после смерти Дмитрия Ивановича до начала XVI в. Датировка концом XIV в. впервые была предложена А. А. Шахматовым – с аргументацией, зиждущейся на словах автора текста: «ино токмо слышахъ многъ народъ глаголющъ: “О, горе нам, братье!”» [Шахматов, с. 119, примеч. 2]. Мысль А. А. Шахматова была поддержана и развита в последующих работах – в первую очередь, в статьях В. П. Адриановой-Перетц и А. В. Соловьева [Адрианова-Перетц; Соловьев]. Однако приведенный А. А. Шахматовым текст – фрагмент риторической тирады, рисующей впечатляющую картину всеобщего горя и ужаса, когда «солнце помрачается, луна облаком закрывается», которая не связана непосредственно с рассказом о погребении князя.

Тщательный текстологический анализ «Слова» был сделан в свое время М. А. Салминой [Салмина]. В частности, она справедливо указала на заимствование определенного фрагмента из Симеоновской летописи – Рогожского летописца (о преставлении князя)<sup>1</sup>. Она заключила, что в Своде 1408/1409 г. «Слова» не было. И не могло быть – можно дополнить этот вывод,

<sup>1</sup> Исследовательница отметила, что в Симеоновской летописи в отличие от всех других летописей, содержащих как краткое сообщение о кончине князя, так и «Слово», смерть князя отнесена к часу ночи, а не к двум часам. М. А. Салмина исходила из того, что Рогожский летописец основывался непосредственно на Симеоновской летописи [Салмина, с. 91–92], а не имел с ней общий протограф, поэтому не сделала вывода об ошибочности этого чтения в Симеоновской летописи.

учитывая неприязненные взаимоотношения Дмитрия Донского с митрополитом Киприаном, инициатором создания Свода.

Особенно же остро обсуждался вопрос о возможности написания этого произведения Епифанием Премудрым. За долгий и плодотворный период изучения «Слова о житии» выявлены структурные элементы, в которых нельзя не видеть общности, фактически одной руки со знаменитым агиографом [Прохоров]. Наиболее яркой представляется конструкция «кому уподоблю»<sup>2</sup>, используемая в «Слове о житии». Существенным доказательством Епифаниевой руки в «Слове о житии» стало нумерологическое исследование В. М. Кириллина [Кириллин].

Собственно, аргументы в пользу авторства Епифания столь многочисленны, что уже стоит не столько оценивать их прочность и достаточность, сколько обратиться к свидетельствам против его авторства.

Одно из них – то, что Епифаний сам не назвал себя, хотя в других произведениях его имя читается. Непосредственно связан с этим еще один момент: если относить создание памятника к 1393–1394 гг.<sup>3</sup>, как это делают сторонники ранней датировки, то окажется, что это первое произведение, написанное Епифанием, в то время как в обращении к заказчику автор явно говорит о себе как об известном книжнике.

Однако эта проблема возникает, если считать, что Епифаний написал все произведение от начала и до конца. Представляется же очевидным, что «Слово» написано не одним автором. Об этом говорит не только то, что различные части памятника (или их фрагменты) имеют несомненные различия в стиле и самом подходе к написанию текста, но и тематические повторы, в которых обнаруживаются противоречия приводимых данных. Так, дважды (но совершенно в разных выражениях) говорится о том, насколько чист душой и праведен был князь, когда «еще млад сии възрастомъ»<sup>4</sup> или «от юны бо версты»<sup>5</sup>; сколь целомудренны были взаимоотношения супругов и др. В повествовании сообщается, что великий князь прожил со своей княгиней 22 года, княжение его длилось «лѣтъ 29 и шесть мѣсяць», «а всѣх лѣтъ житья его 38 и пять мѣсяць»<sup>6</sup>. А в речи к боярам князь говорит, что он «землю Рускую дръжахъ 27 лѣтъ», а от рождения ему «40 лѣтъ»<sup>7</sup>. 38 лет и 5 месяцев жизни – подсчет абсолютно точный, округление до 40 – достаточно грубо. 27 лет великого княжения – верно, 29 лет и 6 месяцев было бы верно, если бы речь шла не о великом княжении, а о времени нахождения на московском столе. Автор же написал несколько двусмысленно: «княжение великое, отчину свою». Так или иначе, все эти выкладки встречаются в летописях<sup>8</sup> (равно как и точное время смерти князя, и подробности его похорон). Еще один фрагмент, заимствованный из летописи (Симеоновская – Рогожский), читается в «Слове» после плача Евдокии. Он касается похорон и оплакивания князя народом:

---

<sup>2</sup> Однако надо отметить, что и этой конструкции были найдены аналогии – в «Похвале Иосифу Аримафейскому и мироносицам» (Слово на снятии Тела Христова с креста Кирилла Туровского) [Грихин, 1974, с. 56–58; Антонова, с. 144–145].

<sup>3</sup> В «Слове» упоминается смерть сына Дмитрия Ивана, который умер в 1393 г. («пятыи же сынъ Иван, преставися» (ПСРА. СПб., 2002. Т. 42. С. 155).

<sup>4</sup> ПСРА. Т. 42. С. 151.

<sup>5</sup> Там же. С. 153.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 154.

<sup>8</sup> Во Владимирском летописце и Сокращенных сводах: «был на великом княжении 29 лѣтъ и 6 мѣсяць, а всѣх лѣтъ жития его 38 лѣтъ и 5 мѣсяць» (ПСРА. М., 1965. Т. 30. С. 128). В Рогожском летописце: «Бяше же князь великий был на княжении лѣтъ 27, а жилъ от рожества своего всѣх лѣтъ 40» (ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 156).

**«Слово о житии»**

и тако предасть святую свою и непорочную душу в руцѣ истиннаго Бога маиа въ 19, на память святого мученика Патрекиа, на 5-и недели по Пасцѣ в среду, въ 2 час нощи... (С. 154).

И принесше его в церковь святого архагела Михаила, идѣже есть гробъ отца его, и дѣда, и прадѣда, и пѣвше над нимъ обычное надгробное пѣние, положиша его в гробъ месяца маия въ 20 день, на память святого мученика Фалелиа.

И плакаша над ним князи и бояре, велможи и епископы, архимандриты и игумены, попове и диаконе, чрѣноризци и всь народ от мала и до велика, и нѣсть такова, кто бы не плакалъ, и пѣния не слышати въ мнозѣ плачи. Бѣ же ту гость – митрополит тряпезонскый, Феогностъ гречин, и владыка смоленскый Данило, и Сава, епископъ сараскый, и Сергии игумен, преподобный старецъ, и инии мнози; разидошася, многа плача наполнившеся (С. 155).

**Рогожский летописец**

Мѣсяца маия въ 19 день, на память святого мученика Патрекиа, на 5 недѣлѣ по Велицѣ дни въ среду долго вечера 2 часа нощи преставися благовѣрныи и христоролюбивыи, и благородныи князь великийи Дмитреи Иванович всея Руси, а въ гробъ положень бысть маия въ 20, на память святого мученика Фалелея. И пѣвше над нимъ обычныи надгробныи пѣния, положиша его въ церкви святого архагела Михаила, идеже есть гробъ отца его и дѣда и прадѣда.

И плакаша над ним князи и бояре, и велможи, и епископы, и архимандриты, и игумени, и попове, диакони, черноризци и весь народ от мала и до велика, и нѣсть такова, кто бы не плакал, // и пѣния не слышати въ мнозѣ плачѣ. Бѣ же ту гость, митрополит Тряпизонскый Фегнастъ Гречинь, и Данило владыка, и Сава, епископъ Сараискый, и Сергии игумень, преподобный старецъ, и инии мнози, разидошася, многа плача наплѣнившеся (ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 156).

Явные заимствования из летописей, повторы, в том числе повторы выкладок с разницей в подсчетах, едва ли возможны при написании текста единовременно и одним лицом.

Вместе с тем весь дальнейший текст, хотя и не отличается стройностью, содержит отступления, далекие от главной темы, не дает оснований искать следы компиляции и должен быть атрибутирован Епифанию. Очевидно, что «Слово» в окончательном виде оформлялось уже при включении его в летопись, а разные его части, оказавшись в руках составителя, были соединены не самым оптимальным образом. Это может объяснить и отсутствие имени Епифания в заглавии памятника.

В свое время В. А. Грихин высказывал предположение, что «Слово о житии» написано по заказу вдовы Дмитрия Донского Евдокии, которая готовила канонизацию князя [Грихин, 2017, с. 259]. Великая княгиня умерла задолго до того, как произведение оказалось в летописи, при этом вне летописи «Слово» не встречается. Однако если признать, что памятник имеет сложный состав, полностью отменить такое предположение нецелесообразно. В «Слове о житии» вычленяются части, где княгине уделено большое внимание. Плач княгини по усопшему мужу занимает центральное место в «Слове», являясь значимым поэтическим элементом, с чертами как книжными, так и фольклорными.

В начальном разделе весьма подробно говорится о женитьбе князя, называются родители невесты, сообщается, что Дмитрий женился в возрасте 16 лет. Ничто не мешает отнести к той же части все повествование об агрессии татар и победе Дмитрия Донского. Однако большой панегирический фрагмент со слов «И обычаи же имяше князь, яко Давидъ богоотець Сауловы

дѣти миловаше ... » до слов «земный ангель, небесный человекъ»<sup>9</sup> отличается от предыдущего и последующего текста высокой риторичностью и типичными для епифаниевского плетения цепочками перечислений. Характерно и заявление автора от первого лица: «Еще же дързною не срамно реши о житии сего нашего царя Дмитрия...»<sup>10</sup>. Далее идет вышеотмеченный повтор: о чистоте его до женитьбы и после нее и т. д.

Затем вновь стиль памятника возвращается к сдержанно-повествовательному, называются годы совместной жизни, даются вышеупомянутые подсчеты: 22 года супружества, 29 лет и 6 месяцев княжения и 38 лет и 5 месяцев жизни Дмитрия. В этом фрагменте с летописным текстом, читающимся в Симеоновской летописи и Рогожском летописце, совпадений практически нет, хотя по содержанию говорится о том же.

Нельзя не заметить, что оформление самого раннего свода этого времени – свода Киприана – датируется 1408–1409 гг., а Евдокия Дмитриевна умерла в 1407 г. Заказанный ею похвально-некрологический текст мог быть закончен и после ее преставления, но мог и, напротив, послужить источником для написания летописной статьи в указанном своде. При этом сохранившееся в «Слове» письмо к заказчику – с обращением к некоему «преподобству» и эпистолографическим заключением «О Господѣ, здравствуй!»<sup>11</sup> – свидетельствует о том, что особый заказчик был и у второй, епифаниевской, части памятника. Кто кроме митрополита мог заказать такую похвалу? Логично думать, что Епифаний писал по заказу митрополита Фотия и, стало быть, для Фотиева полихрона. Впоследствии при оформлении великокняжеской С1 были отредактированы статьи ее источника – общего протографа НК2, С1 и Н4. «Лишние» тексты в «Слове о житии» – отступления в далекие от темы материи, обращение к заказчику и т. п. – были исключены. Не попали опущенные тексты и в более поздние летописи, восходящие непосредственно или более сложным путем к С1.

Возвращаясь к главному предмету рассмотрения – первой части «Слова о житии», нельзя не заметить такую деталь, как акцент на том, что княгиня обрадовалась «радостию великою», когда ненадолго князю Дмитрию стало легче. Здесь в «Слове» читается, быть может, единственная фактическая деталь, которой нет более нигде, – о том, как вскоре ухудшилось его состояние: «И паки впаде в болшую болезнь, и стенание прииде къ сердцу его, яко торгати внутренимъ его, уже приближися к смерти душа его»<sup>12</sup>. А затем – даже как-то внезапно и не совсем на месте – сообщается о рождении сына Константина. И это известие тоже читается в летописи – перед рассказом о преставлении князя (правда, в более развернутом виде и под 6896 г.). Речь идет о Симеоновской летописи и Рогожском летописце. Вместе с тем эта информация объясняет, почему в завещании не указан «менший, мезинный» сын Константин, родившийся за четыре дня до кончины князя. Впрочем, об этом факте знал пишущий, державший в руках завещание князя, но не оповещен читатель «Слова о житии», где перечисляются без некоторых подробностей территории, которыми Дмитрий Иванович наделяет четырех сыновей: Василия, Юрия, Андрея и Петра. Об остальных: Иване, Константине и Данииле – сказано после рассказа о похоронах Дмитрия Ивановича, без указания их владений.

Княгиня названа первой среди тех, кого «призвал» к себе умирающий князь. Слова его к супруге в «Слове о житии» близки к тексту последнего завещания Дмитрия Донского. В «Слове» читается: «Ты же, драгаа моя княгини, буди чадомъ своим отецъ и мати, наказующи их и укрѣпляющи, все творяще по заповѣдемъ Господнимъ: послушливым и покорливымъ быти, Бога боятися и родителя чьстити, и страх ихъ дръжати въ сердци своемъ вся дни живота своего».

---

<sup>9</sup> ПСРА. Т. 42. С. 153.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Там же. С. 156.

<sup>12</sup> Там же. С. 153.

Та же мысль отражена и в обращении его к сыновьям: «Аз бо предаю вас Богови и матери вашей, и под страхомъ ея будите всегда»<sup>13</sup>. В завещании подчеркнуто: «Приказываю дѣти свои сво|ей княгинѣ. А вы, дѣти мои, живите заодин, а м(а)т(е)ри своее слушайте | во всем». К этой мысли князь возвращается вновь в конце завещания: «А приказал есмъ свои дѣти своей княгинѣ. А вы, дѣти мои, слушаи|те своее м(а)т(е)ри во всем, изъ ее воли не выступайте ни в чем. А который с(ы)нѣ | мои не имет слушати свое м(а)т(е)ри, а будет не въ ее воли, на том не будет моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нья»<sup>14</sup>.

В завещании на княгиню возлагаются серьезные обязательства. Она должна наделить уделом сына, который может родиться уже после написания духовной, «возма по части оу болшиѣ его братьи»<sup>15</sup>. Это касалось непосредственно Константина, который родился за четыре дня до смерти князя. В точности выполнить указание Евдокии не удалось. Из первого завещания Василия Дмитриевича ясно, что Константину были выделены Тошна и Устюжна – территории из владений великого князя Василия, другие братья, видимо, не участвовали в наделении младшего владениями.

Другая статья завещания устанавливала: «А по грѣхом отъимет Б(о)гъ с(ы)на моего, князя Василья, а хто будет подѣ тѣм с(ы)нѣ мои, ино тому с(ы)ну моему княжѣ Васильевѣ оудѣл, а того оудѣломъ подѣлит их моя княгини. А вы, дѣти мои, слушайте своее м(а)т(е)ри, что кому дасть, то тому и есть»<sup>16</sup>. Это означало, что Евдокия должна была обеспечить переход к следующему по старшинству сыну (Юрию) великого княжения, если умрет Василий. Она не пережила старшего сына и тем самым избежала участия в драматических коллизиях, к которым привела эта статья завещания.

Также на ее плечи ложится обеспечение компенсации, если вдруг у кого-то из сыновей «оубудет о(т)ч(и)ны», она должна наделить его частью уделов братьев. «А вы, дѣти мои, м(а)т(е)ри слушайте», – добавляет князь. Подобным же «усилением» заканчивается статья о разделе владений умершего сына (видимо, имеется в виду бездетный потомок): «ко|торому что дасть, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъс(а)»<sup>17</sup>.

Отдельно гарантируется неприкосновенность ее владений, в которых она распоряжается и чинит суд. Часть территорий выделялась княгине из уделов сыновей – для владений прекарных («а что Б(о)гъ розмыслит о моеи княгинѣ, и тѣ волости и села во чѣ|емъ оудѣлѣ, то тому и есть»<sup>18</sup>). Тем не менее если дань Орде не будет выплачиваться, полагающиеся для выхода средства как с этих, так и с вотчинных владений княгини, остаются ей.

Есть в завещании и статья, которая предполагает «отложенное» получение Евдокией владений, завещанных теткой Дмитрия – Феодосией (дочерью Ивана Калиты, женой белозерского князя Федора Романовича) – как Дмитрию, так и самой Евдокии: «а что ми дала княгини | Федосья Суду на Бѣлѣозерѣ, да Колашну, и Слободку, и что бл(а)г(о)с(ло)вила княгиню | мою Городком да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княги<ни> Федосья до своего жы|вота, а по ее животѣ то княгинѣ моеи»<sup>19</sup>.

Из завещания Василия Дмитриевича известно, что впоследствии он обменивался с матерью частью владений. Завещание самой Евдокии не сохранилось, но отдельные его пункты можно восстановить по завещаниям Василия Дмитриевича, его брата Юрия Дмитриевича

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XV в. – вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 136.

<sup>15</sup> Там же. С. 135.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Там же. С. 136.

<sup>19</sup> Там же. С. 134.

и Софьи Витовтовны, жены Василия Дмитриевича. Так, выясняется, что Евдокия завещала своей невестке из коломенских сел «село Рѣпинское»<sup>20</sup>, «[Ба]бы[ше]вское, да Лысцево, да село Шлебатьевское»<sup>21</sup>, последнее названо куплею Евдокии. Упоминается «судно оковано золотом»<sup>22</sup>, полученное от нее Василием, и «икона Пр(е)ч(и)стаа золотом шкована»<sup>23</sup>, переданная Юрию.

В завещании предусматривалось поступление княгине части торговых пошлин (осмьничего, тамги).

Завещал князь супруге золото, серебро и «иное» из казны, а также стада, которыми княгиня должна поделиться с сыновьями «по частем».

Таким образом, княгиня не только получала значительные территории, в том числе и в полное распоряжение, но и наделялась важной функцией по решению территориальных проблем, которые могли возникнуть у сыновей. Как было отмечено В. А. Кучкиным, наделение великой княгини правами гаранта «было необычным» [Кучкин, с. 125]. Причиной послужил целый ряд обстоятельств: Василий был ненамного старше других сыновей; двоюродный брат Дмитрия Ивановича Владимир Андреевич Серпуховской был нежелателен в качестве такого гаранта (с ним великий князь хотя и помирился, но отнял Галич и Дмитров), должность московского тысяцкого была упразднена. Наконец, никто из сыновей на тот момент не был женат и, соответственно, не имел наследников.

Владения же княгини по завещанию супруга оказывались весьма значительными. В. А. Кучкиным было определено, что их величину нужно оценивать не по территории, поскольку плотность населения была разной. По собираемой же дани для ордынского выхода (княгиня платила 296 рублей) владения Евдокии по своей платежеспособности уступали «только таким же владениям старшего сына Донского великого князя Василия», хотя вотчинные ее владения давали лишь 72 рубля [Кучкин, с. 170].

Таким образом, наделяя жену большими полномочиями, великий князь исходил не только из особенностей ситуации с наследниками, но и из ее опыта в управлении владениями, деятельности и рациональности самой ее натуры.

В актах XV в. есть свидетельства о пожертвованиях и вкладах Евдокии в монастыри – Кирилло-Белозерский («село Сандыровское, и с лесы, и с пожнями, да пустоши поженьки Ворсинские»<sup>24</sup>) и Владимирский Рождественский монастырь («село Арбузово с деревнями, с пожнями и с водами, с глушицею, с росохотцом, и язовище Кляземское и со всем, да село Баскаково с хлебом и з животиною»<sup>25</sup>). Когда сделаны были эти вклады, неизвестно. Другие же действия Евдокии Дмитриевны по летописным источникам датированы, они относятся уже к периоду после смерти Дмитрия Ивановича. Интронизация Василия Дмитриевича состоялась во Владимире 15 августа 1389 г. А в 1390 г. вдовая великая княгиня принимает участие в официальной церемонии – встрече митрополита Киприана, в летописи она названа второй после великого князя.

Известно, что в 1393 г. княгиня закладывает в Москве каменную церковь Рождества Богородицы «зело чудну и украси ю съсуды златыми и серебряными»<sup>26</sup>, книгами, иконами

---

<sup>20</sup> ДДГ. № 21. С. 58.

<sup>21</sup> Конявская Е. Л. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 170.

<sup>22</sup> ДДГ. № 21. С. 59.

<sup>23</sup> ДДГ. № 29. С. 75.

<sup>24</sup> АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 223.

<sup>25</sup> АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 92а.

<sup>26</sup> Присьяков М. Д. Троицкая летопись. (Реконструкция текста). СПб., 2002. С. 444.

«и пеленами многоцѣнными, и всякими узорочьи церковными»<sup>27</sup>. Церковь была построена на месте деревянной церкви Воскрешения Лазаря (по-видимому, домово́й), последняя сохранилась в виде Лазаревского придела. Церковь освящает митрополит Киприан, летописи указывают дату освящения – 1 февраля «въ недѣлю» 1394 г., причем Троицкая летопись имела довольно пространный нарратив, сохранившийся в выписках Н. М. Карамзина лишь фрагментарно. Евдокия в этом своем деянии сравнивалась с княгиней Марией, женой Всеволода Большое Гнездо (как мы знаем, она была инициатором основания Владимирского Княгинина монастыря [Конявская, с. 12]). Указывалось, что на освящении были великий князь Василий Дмитриевич и его братья Юрий, Андрей, Петр и Константин, говорится, что устанавливается празднование престольного праздника 8 сентября. Через два года церковь расписывают «Феофанъ иконникъ, Грьчинъ философъ, да Семень Черныи и ученици ихъ»<sup>28</sup>. Видимо, живописцы работали по приглашению Евдокии Дмитриевны. Незадолго до кончины, весной 1407 г., она заложила каменную церковь Вознесения в московском Вознесенском монастыре в Кремле. Через несколько месяцев – 7 июня – она умерла и, по свидетельству летописей, положена была в созданной ею церкви. Церковь не была достроена, что подтверждается в летописном известии 1467 г. – об обновлении церкви супругой Василия Темного Марией Ярославной. Здесь вспоминается, что заложена церковь была великой княгиней Евдокией, но «при ней не много ея въздѣлано»<sup>29</sup>. Церковь стала усыпальницей для великих княгинь.

Письменные источники представляют великую княгиню Евдокию Дмитриевну как активную личность, покровительствующую монастырям, инициировавшую церковное строительство, в завещании Дмитрия Донского ей доверена роль гаранта его исполнения. В «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича» о ней говорится больше, чем о ком бы то ни было, не считая, разумеется, самого Дмитрия Донского. Вполне допустимо думать, что ей изначально принадлежала идея создания похвалы победителю татар на Куликовом поле, который назван царем в тексте, вошедшем в летописи, где царями называли только ордынских правителей и византийских императоров.

#### Литература

- Адрианова-Перетц В. П. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРА. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 73–96.
- Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРА. М.; Л., 1974. Т. 28. С. 140–154.
- Грихин В. А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV–XV вв. М., 1974. 64 с.
- Грихин В. А. Лекции по древнерусской литературе. М., 2017. 480 с.
- Кириллин В. М. Нумерологическая структура текста как индекс повествовательной манеры Епифания Премудрого и вопрос об атрибуции «Слова о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя рускаго» // Культурное наследие Древней Руси. Материалы научной конференции, посвященной памяти проф. В. В. Кускова (9 ноября 2000 г.). М., 2001. С. 73–84.
- Конявская Е. Л. Древнерусские княгини XI–XIII вв.: их владения и роль в политической и церковной жизни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 7–15. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.001
- Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М., 2003. Вып. 3. С. 106–183.
- Прохоров Г. М. Непонятный текст и письмо к заказчику в «Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРА. Л., 1985. Т. 40. С. 229–247.
- Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРА. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 81–105.

<sup>27</sup> ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 221.

<sup>28</sup> Присёлков М. Д. Троицкая летопись ... С. 445; ПСРА. Т. 25. С. 222.

<sup>29</sup> ПСРА. СПб., 1913. Т. 18. С. 217; Т. 25. С. 279.

Великая княгиня Евдокия Дмитриевна  
(«Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича»  
и второе завещание Дмитрия Донского)

---

Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРА. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 85–106.  
Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повесть о Мамаевом побоище». СПб., 1910. 126 с.

### References

- Adrianova-Peretts, V. P. “Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya rus’skago” [“Tale on the Life and Death of Grand Duke Dmitry Ivanovich, Russian Tsar”]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1947. Vol. 5. Pp. 73–96.
- Antonova, M. F. “Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Rus’skago” (Voprosy atributsii i zhanra) [“Tale on the Life and Death of Grand Duke Dmitry Ivanovich, Russian Tsar” (Attribution and Genre Issues)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1974. Vol. 28. Pp. 140–154.
- Grikin, V. A. Problemy stilya drevnerusskoi agiografii XIV–XV vv. [Problems of the Style of Old Russian Hagiography of the 14<sup>th</sup> – 15<sup>th</sup> Centuries]. Moscow, 1974. 64 p.
- Grikin, V. A. Lektsii po drevnerusskoi literature [Lectures on Old Russian Literature]. Moscow, 2017. 480 p.
- Kirillin, V. M. Numerologicheskaya struktura teksta kak indeks povestvovatel’noi manery Epifaniya Premudrogo i vopros ob atributsii “Slova o zhit’i i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya ruskago” [Numerological Structure of the Text as an Index of the Narrative Manner of Epiphanius the Wise and the Question of Attribution of the “Tale on the Life and Death of Grand Duke Dmitry Ivanovich, Russian Tsar”]. In *Kul’turnoe nasledie Drevnei Rusi. Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati prof. V. V. Kuskova (9 noyabrya 2000 g.)*. Moscow, 2001. Pp. 73–84.
- Konyavskaya, E. L. Drevnerusskie knyagini XI–XIII vv.: ikh vladeniya i rol’ v politicheskoi i tserkovnoi zhizni [Old Russian Princesses of the 11<sup>th</sup> – 13<sup>th</sup> Centuries: Their Possessions and Role in the Political and Church Life]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 3 (85). Pp. 7–15. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.001
- Kuchkin, V. A. Poslednee zaveshchanie Dmitriya Donskogo [The Last Will of Dmitry Donskoy]. In *Srednevekovaya Rus’*. Moscow, 2003. Issue 3. Pp. 106–183.
- Prokhorov, G. M. Neponyatnyi tekst i pis’mo k zakazchiku v “Slove o zhit’i i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Ruskago” [Incomprehensible Text and a Letter to the Customer in “Tale on the Life and Death of Grand Duke Dmitry Ivanovich, Russian Tsar”]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1985. Vol. 40. Pp. 229–247.
- Salmina, M. A. “Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Rus’skago” [“Tale on the Life and Death of Grand Duke Dmitry Ivanovich, Russian Tsar”]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1970. Vol. 25. Pp. 81–105.
- Shakhmatov, A. A. Otzyv o sochinenii S. K. Shambinago “Povest’ o Mamaevom poboishche” [Review of S. K. Shambinago’s Essay “The Tale of the Mamaev Massacre”]. Saint Petersburg, 1910. 126 p.
- Solov’ev, A. V. Epifanii Premudryi kak avtor “Slova o zhitii i prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya rus’skago” [Epiphanius the Wise as the Author “Tale on the Life and Death of Grand Duke Dmitry Ivanovich, Russian Tsar”]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1961. Vol. 17. Pp. 85–106.

Elena L. Konyavskaya  
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

### GREAT PRINCESS EVDOKIA DMITRIEVNA (“SLOVO O ZHITII I O PRESTAVLENII DMITRIYA IVANOVICH A” AND THE SECOND TESTAMENT OF DMITRY DONSKOY)

The article is devoted to the analysis of the texts “Slovo o Zhitii i o Prestavlenii Dmitriya Ivanovicha” (Tale on the Life and Death of Dmitry Ivanovich) and the last testament of Dmitry Donskoy, concerning the wife of Dmitry Ivanovich, Evdokia Dmitrievna. The possessions of the princess and the powers that she received under the will of her husband are considered.

*Keywords:* Evdokia Dmitrievna, Dmitry Donskoy, “Slovo o Zhitii i o Prestavlenii Dmitriya Ivanovicha”, the second testament of Dmitry Donskoy

